УДК 821.161.3.09

ТОЖДЕСТВО ОБРАЗОВ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАНЕРА ПИСАТЕЛЯ

Н. В. Кузьмич

Кандидат филологических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-5834-0687,
e-mail: kuzmich_nv@mail.ru,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

THE IDENTITY OF IMAGES AND ARTISTIC MANNER OF THE WRITER

N. V. Kuzmich

Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
ORCID 0000-0002-5834-0687,
e-mail: kuzmich_nv@mail.ru,
Belarusian State University,
Minsk, Belarus

Abstract. The article considers the peculiarities of the creative manner of Russian writer Valentin Rasputin and three Belarusian writers Vyacheslav Adamchik, Ivan Naumenko and Lanka Sipakov. The article explores several stories with similar titles.
Keywords: the story; imagery; methods and techniques of artistic expression; creative manner.

Общность судеб, сложившаяся исторически, обусловила социально-духовную близость белорусского и русского народов. Она проявляется в ориентации на одинаковую систему ценностей на многих уровнях жизни общества, в том числе в быту, в ежедневных делах и заботах, затрагивающих глубинные корни бытия. Можно говорить в определенной мере о сходстве на житейском срезе менталитета, ядро которого составляют бескорыстие и взаимовыручка, тяготение к семейному очагу, любовь к своему дому, к родной земле. Безусловно, это не могло не отразиться на литературе двух народов, особенно в советский период, не могло не повлиять определенным образом на тематику произведений, их идейную направленность и нравственно-эстетическое содержание образов. Идентичность последних представляется закономерным явлением, так как источник, питающий их, – жизнь народа, осмысленная и выраженная писателем в художественном слове.

Многие рассказы Валентина Распутина (1937–2015), ставшие классикой, хорошо известны не только российскому, но и белорусскому читателю (например, «Уроки французского», «Василий и Василиса», «Изба»); они о нравственной красоте и житейской мудрости человека, о его будничном героизме. В рассказах белорусских писателей Вячеслава Адамчика (1933–2001) «Урок арифметики», Ивана Науменко (1925–2006) «Иван да Марья», Янки Сипакова (1936–2011) «Новая хата» также выведены образы обычных людей – учительницы, стремящейся помочь ученику; мужа и жены, не познавших семейного счастья; пожилой деревенской женщины, возводящей для себя на склоне лет новое жилье. Тождество образов достигается на основе художественно-эстетических принципов, в одинаковой степени исповедуемых русским и белорусскими писателями. Однако художественная манера у них разнится, что совершенно естественно; ведь каждый – творческая индивидуальность, которая

осмысливает жизнь, отражает ее через определенные отношения и связи героев в способах и приемах, наиболее адекватных замыслу.

В рассказах Валентина Распутина сразу заметна одна особенность: в сюжетах нет неожиданных поворотов или интригующих ходов, в композиции отсутствует наслоение эпизодов или событий, нет излишних описаний и авторских отступлений, – художественная ткань развертывается плавно и постепенно, в строгом соответствии с развитием характеров героев. Однако не создается впечатления однообразия и монотонности. Каждый новый эпизод углубляет эмоционально-психологический мир героев, служит в логической последовательности для связи с новыми событиями, открывает образы интересными гранями, заставляет думать и переживать, сопоставляя со своим житейским опытом. Несколько иные способы и приемы художественного воплощения замысла у белорусских писателей. Как правило, сюжетно-композиционная структура более сложной конфигурации, чем у Валентина Распутина. В ней ощутимы элементы ретроспекции, в нее вводятся лирические зарисовки, авторские отступления, рефлексии героев.

Неповторим в своей нравственной красоте образ учительницы Лидии Михайловны («Уроки французского» В. Распутина). Она, уже имея педагогический и житейский опыт, не могла не заметить, что деревенский паренек, приехавший в послевоенное время в райцентр учиться, беден, порой беззащитен и нуждается в помощи, а оказать ее некому. Автор, он же и герой-повествователь, не скрывает своих трудностей. Ему все время хотелось есть, он сильно похудел, наваливалась тоска по дому. Но появляется рядом Лидия Михайловна, вроде бы случайно, по поводу произношения французского. Так завязываются главные события, они постепенно идут одно за другим, наращивая эмоционально-психологическое напряжение; незаметно преодолевается замкнутость деревенского паренька: «…прежние скованность и угнетенность отступили, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры» [1, с. 80]. Автор не спешит в развертывании сюжетной линии. Здесь торопливость была бы несовместима с правдоподобием. Каждый эпизод – новое открытие характера и ученика, постигающего ценности жизни, и учителя, который готов делиться ими. Уроки французского становятся уроками добра и мудрости, человечности и сердечной теплоты. Столь же притягателен в своей доброжелательности и чуткости образ учительницы Чеславы Карловны («Урок арифметики» В. Адамчика). У повествователя не столь бедственное положение, как у героя В. Распутина, хотя послевоенные трудности коснулись и его. Светлым лучом становится для него учительница, ведущая в классе арифметику. Не случайно в рассказе отчетливо прослеживается лирическая струя, тронутая тихой печалью; она как бы приближает к читателю героя, давая возможность лучше понять его внутренний мир. Герой-повествователь замечает, что Чеслава Карловна всегда хорошо одета; характерная деталь, которая повторяется: в серьгах учительницы вспыхивают отблески солнца, когда она идет между партами. Тайно наблюдая за ней, ученик игрой воображения переносит себя в будущее: «мне думалось о неизвестном прозрачном мире, о большом городе, куда я поеду, как только вырасту, о том городе, где все красивые люди, где все хорошо одеваются, вкусно едят…» [2, с. 16]. Такое стремление и надежду вселяет образ любимой учительницы.

Не нашла своего счастья в замужестве Василиса («Василий и Василиса» В. Распутина), ходя родила Василию семерых детей. Не сложилось: как-то запил он, а во хмелю становился буйным, и однажды, когда замахнулся на нее, беременную, топором, у Василисы случился выкидыш. С

тех пор совместная жизнь слетела под откос, стали они жить отдельно: она – в доме, он – в амбаре. Даже после войны, с которой муж вернулся живым, не произошло согласия и примирения. Неторопливо писатель вглядывается в их странные, никак не объяснимые отношения. Серы и однообразны их будни. Но в них находятся смысл и утешения: она в хлопотах по хозяйству и на подворье, он в охоте и сборе орехов и шишек в тайге. Только утром молча пьют вместе чай. «Они молчат – ни разу они не сказали ни слова, будто не видят друг друга… Они молчат, и это не натянутое молчание, это даже вовсе не молчание, а обычное психическое состояние без слов, когда слов никто не ждет и они не нужны» [1, с. 170]. Как и в других рассказах, сюжет здесь линейный – события текут в одном направлении, обогащая представления о героях. Писатель не скупится на подробности, подает их тонко и с любовью, чувствуется, что в них скрывается какая-то глубинная суть. Только изредка в сюжетную ткань включаются авторские отступления; они служат пояснением тех или иных действий героев, поворачивая их разными сторонами характера. Важную функцию в сюжетной канве выполняет диалог. Он не только в каждом конкретном случае связывает персонажи, но и выстраивается так, чтобы затронуть что-то скрытое в тайниках души, мотивировать поведение, высветить существенное в характере. Особенно точна и откровенна в своих высказываниях Василиса, привыкшая говорить правду, хотя она не всегда приятна собеседнику.

В чем-то, что лежит за пределами простого созерцания, загадочен и светел образ Марьи («Иван да Марья» И. Науменко). Как и Василиса, не изведала она счастья в замужестве. В молодости до беспамятства влюбилась в заезжего казака Федьку, от него вне брака родила девочку, которая умерла. «…замуж за Ивана вышла, когда буря в сердце улеглась, лет через пять – Иван тогда как-раз вернулся с германского плена, а Федьки не было в живых. Нет, она б так не смогла – любить одного, а замуж идти за другого… она и Ивана полюбила, потому что чем-то похож был на Федьку. Не лицом, не статью, а характером» [2, с. 171–172]. Детей у них не было. Ушел Иван на войну, где и сложил голову. Вот и коротает Марья одинокую старость в трудах и заботах на своем подворье. Рассказ локален во времени – все действие в нем вмещается в неполные сутки. Сюжетно-композиционная структура такова, что судьба Марьи – от юности до старости – читается словно открытая книга. Автор, сам отстраняясь от событий, направляет их поток из прошлого через сегодня в завтра. Они, соединяясь последовательно, обретают художественную ткань, насыщенную чувствами и переживаниями героини. Марья, собирая траву, чтобы высушить сено корове на зиму, мысленно там, где были ее радости и печали, тревоги и надежды. Утренние встречи с Харитоном, который в юности пробовал ухаживать за ней, неожиданная новость, что ее оставляет квартирантка Валя, так как выходит замуж, вдруг хлынувший ливень с грозой – все это, заставив погрузиться в прошлое, думать и переживать о сегодняшнем, дает ощущение, что жизнь имеет смысл, несмотря ни на какие трудности.

С развернутого описания простого деревенского дома, в котором когда-то жила Агафья, начинается рассказ «Изба» В. Распутина. Сейчас он, пустой и неухоженный, без заботливой руки хозяйки, по-прежнему горделиво и с достоинством глядит в окна, даже не заплывшие мокрой пылью, вокруг себя, на здешние окрестности и на стремительную и бурную Ангару. Четко и ясно, с нескрываемой симпатией к своей героине писателем выведена каждая деталь, и создается впечатление, что в доме осталась частица счастья человека,

выстроившего это жилье. В данном случае описание не является пассивным элементом, служит отнюдь не для украшения сюжетно-композиционной конструкции; оно не только фон – это своеобразный пролог к осмыслению и пониманию действий Агафьи, простой русской женщины, устраивающей свой новый быт. Шаг за шагом ведет писатель по извилистой судьбе Агафью. В молодости вышла замуж за местного парня Ефима Мигунова, прозванного за бесстрашие Чапаем, грубого и харахористого. До войны его взяли в армию, и там он погиб, быстрее всего из-за бестолковости, оставив на руках Агафьи дочь Оксану. В пятнадцать лет та подалась искать счастья в город, где не устояла перед соблазнами и вскоре спилась. Осталась Агафья одна в своем доме. А тут назрел переезд в новый поселок: деревня подлежала затоплению в связи со строительством ГЭС. Конечно, Агафья в силу состояния здоровья – как раз лечилась в районе в больнице – и одиночества могла бы просить место в общежитии леспромхоза, но решила: надо перевозить избу в новый поселок, может, осилит. Это событие – перевоз и устройство избы в новом поселке – в рассказе стало главным в жизни Агафьи, самым серьезным испытанием. Писатель строит повествование от своего имени, что позволяет быть очевидцем каждого ее шага. Она решительна и настойчива, и это определяет динамику образа. Она уже угадывается в портретной характеристике, из которой очевидно: это волевой, энергичный человек. Она умеет ладить с людьми, и они идут ей на встречу, как тракторист Савелий, толковый, работящий мужик, печник Кеша Осоргин, всегда к вечеру слегка пьяный, группа парней, взявшихся помочь поставить стропила. Писатель, с любовью рисуя образ Агафьи, не ищет повода, чтобы как-то смягчить удары ее судьбы. Тем она и вызывает восхищение, что противостоит ей, опираясь на силу воли и помощь людей.

Красив внешне и светел внутри дом, в котором живет одиноко бабуля Маланка («Новая хата» Я. Сипаков). В нем много солнца и счастья. Такая радужная картина сразу вызывает симпатию к хозяйке. Она, как и Агафья, без дела не сидит ни минуты, любая работа у нее спорится, на пустое занятие у нее попросту нет времени. Но случился пожар: то ли малолетний внук Игорь по неосторожности поджег, то ли замкнуло проводку. Маланка переселилась в старый дом после пожара, хотя сын Андрей звал в свой просторный. Но Маланка решила строить свой. Ее отговаривали соседи и знакомые, что незачем на старости начинать это дело, – не убедили. Писатель делает оригинальный сюжетный ход: главное событие – саму постройку дома – как бы оставляет за кадром, оно отодвигается на второй план. На первом – переписка Маланки с автором-повествователем. Она регулярно отправляет ему в город письма, в которых основная новость – это ход строительства: от бревна к бревну поднимается сруб; вот уже и крыша готова, вставлены окна, и в них полился яркий солнечный свет. В рассказе никак не показаны трудности, с которыми столкнулась Маланка, а их, конечно, было предостаточно. Но, зная характер героини, можно предположить, что воля и энергия помогли ей в решающей мере, как и Агафье. Такие люди восхищают своей неуемностью и страстью к жизни.

Как видно, в разной художественной манере, вытекающей в том числе из особенности творческого мышления и стилевых склонностей, создают писатели образы простых людей. У Валентина Распутина ощущается масштаб и широта событий в реальном времени, оно неудержимо в своем стремительном движении, в которое вовлекаются новые коллизии, полнее раскрывающие характеры и судьбы. В его рассказах много подробностей, уместных и необходимых, они проливают свет на обстоятельства, связанные с отношениями

героев. Но это не отягощает сюжет, не ведет к утомляющему однообразию. Наоборот, действия персонажей становятся прозрачными, а от того более понятными и близкими. Образы в своем развитии обретают полноту и завершенность.

У белорусских писателей несколько иная художественная манера. В своих рассказах они более сдержанны в динамике событий и лаконичны в выборе сюжетно-композиционных элементов в их пространственно-временном измерении, чаще используют авторские отступления, рефлексии и ретроспекции, лирические зарисовки. У них мягче речевая экспрессия; в фабульной цепи событий менее значим внешний конфликт и его роль в развитии действия, поскольку беларус в большей степени интровертивен.

Но при всем этом и у Валентина Распутина, и у белорусских авторов, отчетливо прослеживается то, что позволяет говорить о тождестве в ряде рассказов образов. Имеется в виду ориентация на одинаковые социально-духовные ценности, сходство способов мышления и образа действия в сложных каждодневных ситуациях, требующих мудрости, доброты и целеустремленности.

Библиографический список

1. Распутин В. Г. Век живи – век люби: Рассказы, очерки, повесть / Вступ. статья С. Залыгина. – 2 изд. доп. – М. : Мол. гвардия, 1988. – 382 с.
2. Сучасная беларуская проза: Традыцыі і наватарства / Уклад. Ул. Сіўчыкава, М. Тычыны. Прадм. М. Тычыны. – Мн. : СэрВіт, 2003. – 704 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Rasputin V. G. Vek zhivi – vek lyubi: Rasskazy, ocherki, povest / Vstup. statya S. Zalygina. – 2 izd. dop. – M. : Mol. gvardiya, 1988. – 382 s.
2. Suchasnaya belaruskaya proza: Tradycyi i navatarstva / Uklad. Ul. Siўchykava, M. Tychyny. Pradm. M. Tychyny. – Mn. : SerVit, 2003. – 704 s.

© Кузьмич Н. В., 2018.